

О.С. ЯКУШЕНКОВА
(Астрахань)

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЧУЖОГО НА ГЕТЕРОТОПНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ФРОНТИРА*

Анализируются образы Чужого, проявляющиеся в особом типе пространств, названных М. Фуко «гетеротопными». На примере образов Чужого из различных классических произведений античности, Средних веков и Нового времени сделана попытка вычлнить основные паттерны, с помощью которых можно построить обобщающий образ.

Ключевые слова: *Чужой, массовая культура, фронтир, гетеротопные пространства.*

История фронта, хотя и оформилась как теория лишь в XIX в., уходит своими корнями в далекую древность. Однако благодаря американскому опыту, как практическому, так и теоретическому, мы сейчас можем оперировать данным понятием, позволяющим говорить не о единичном явлении, а широко распространенном феномене. Впервые слово *фронтир* было использовано как особый научный термин по отношению к огромной территории в центре Северной Америки, где происходила колонизация новых земель, в конце XIX в. О фронтире как об особом термине и феномене впервые заговорил Ф. Дж. Тёрнер (1861–1932). По мнению Тёрнера, фронтир – это внешняя грань волны – точка, где встречаются дикость и цивилизация [8]. Тёрнер и его предшественники воспринимали фронтир как линию между английскими–французскими–американскими поселениями и незаселенной территорией. Таким образом, фронтир для Тёрнера и его предшественников есть линия между цивилизацией и ее отсутствием, или дикой природой. Сам термин *фронтир* может помочь понять процессы, происходящие в сложных условиях столкновения культур. Когда Тёрнер разрабатывал свою теорию, он вряд ли подозревал, что его взгляды сыграют такую важную роль в понимании фронта в более широком смысле, не ограниченном только географическими

определениями, а выходящем за рамки региональной проблемы американской истории.

Прошое столетие показало, что схожие процессы происходили в разных уголках земного шара. Подобные события можно было наблюдать и в зонах культурного диалога в Индии, Афганистане, Австралии, Латинской Америки и даже в России. Несмотря на ряд региональных различий, культурные диалоги на фронтах имели много общего. Это и освоение новых экологических зон, и возникновение новых отраслей производства, сфер деятельности, возникновение новых языков, появление новых этнических групп. И хотя когда-то Киплинг заявил, что Запад не может соединиться с Востоком, в разных местах мира фронтир демонстрировал удивительное сочетание порой несовместимых элементов, которые в итоге порождали новое, обогащая человеческую культуру инновационными тенденциями в развитии. Об этом писал еще Ф. Тёрнер, полагавший, что фронтир дал мощный стимул для развития американской нации. Развитие на фронтире многих американских общественных институтов происходило с невероятной быстротой по сравнению с более развитыми экономически штатами Новой Англии. Многие прогрессивные явления заимствовались не с Востока Диким Западом, а в обратном направлении.

Вместе с тем не следует забывать, что культурный диалог на фронтире – это весьма сложный и противоречивый процесс, который не проходил гладко и однозначно положительно. Он был прежде всего столкновением самых разнообразных культурных ценностей, стереотипов, хозяйственных укладов и т.п.

Все это дает нам возможность применить для тернеровской теории фронта определение, данное М. Фуко. В каждой культуре и цивилизации есть реальные места – обладающие реальными пространствами, лежащие в основе любой культуры. Это своеобразные «другие» территории, в которых все пространства, которые только существуют в рамках этой культуры, объединены в единую своеобразную «утопию» [6]. При этом такие пространства, даже имея реальную географическую привязку, лежат за пределами всех мест. И это пространства абсолютно иного характера, нежели те, что они в себе содержат. Фуко называет такие места гетеротопиями. Гетеротопии способны смешивать в одной реальности несколько про-

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект № 2012-1.1-12-000-3003-056 «Культурная память и культурное наследие фронта»).

странств, территорий, которые сами по себе являются несовместимыми.

И хотя Фуко понимал «гетеротопию» достаточно широко, как нам кажется, фронтир подходит под это определение больше всего. Этот вывод нам позволяет сделать следующая характеристика фронта: наличие нескольких акторов исторического процесса, представленных разными культурами, порой несовместимыми, столкновение различных типов исторического процесса – варварство/цивилизация, чрезвычайная дикость природы и богатых ресурсов и т.д. Не случайно именно зона американских фронтиров породила множество утопических мифов. Это и семь сказочных городов Сиболы, и мифы об Эльдорадо, Пайтити и мн. др.

Законы, действующие на гетеротопных пространствах, серьезнейшим образом изменяли восприятие действительности, приводя к появлению новых реальностей. Если горы оставались горами, а реки – реками, то живые существа на этих территориях неожиданно принимали фантазмагорический характер, в большей степени имеющий отношение к мифологии или фольклору, чем к реальной географии, биологии и т.п.

Встреча с новыми людьми превращалась в процесс конструирования новых способов их восприятия, выход за рамки привычного. До селе неизвестные культуры, расы, языки воспринимались участниками этих событий как нечто сверхъестественное. По каким же законам происходило формирование образа этих новых людей? Что приводило к когнитивному диссонансу, который и порождал в воображении европейцев различных чудовищ и монстров, а порой и ставил перед ними дилемму классификации этих народов и попытки решить главный вопрос: с кем они имеют дело – с людьми или существами, в большей степени имеющими отношение к животным? Однако и в тех случаях, когда эти новые «человеческие существа» воспринимались как люди, им очень часто было отказано в праве быть равными другим субъектам этого диалога. Ведь традиционно неспособность диалога с Чужим объяснялась его отсталостью, близостью к природе, дикостью и т.п. Даже когда это существо причисляли к человеку, оно все равно оставалось Чужим.

В своей работе мы попытаемся выявить основные законы построения образа тела Чужого. Как нам кажется, это поможет понять специфику межкультурного диалога в гете-

ротопных пространствах. Чтобы подчеркнуть когнитивный характер этих процессов, в своей статье мы попытаемся отойти от географической и исторической привязки и для сравнения и подкрепления нашего тезиса обратимся к художественной традиции, выходящей за рамки истории и географии, да и реальной жизни. Как нам кажется, сам процесс конструирования тела Чужого не имеет ничего общего с реалиями и представляет собой всего лишь ментальные конструкты, мы вправе, помимо собственно исторических источников, использовать для сравнения и примеры, взятые из художественного наследия: литературы, кинематографа и т.д. Как нам кажется, феномен конструирования Чужого тела в гетеротопных пространствах проявился в художественном вымысле многих писателей, режиссеров-фантастов, интуитивно переносящих законы конструирования чужого тела на вымышленных персонажей, имеющих отношение не к земным реалиям, а к отдаленным космическим мирам.

Большинство ученых полагает, что представление Чужого как варвара и канибала свойственно периоду колониальных захватов [7; 9]. На самом деле даже беглый анализ древних эпических произведений показывает, что эпосы разных народов изобилуют представлениями о Чужом как о демоне, канибале, обладающем гипертрофированным или гротескным телом. Причем подобные представления обнаруживаются как на Западе, так и на Востоке.

На Востоке, вероятно, наиболее древними упоминаниями о таком «Чужом» гротескном теле являются многочисленные описания демонов-ракшасов, в изобилии представленные в «Рамаяне» и «Махабхарате». В «Махабхарате» мы встречаем описание ракшаса Хидимбы – «чудовищного существа, питавшегося человеческим мясом» [3, I-139]. У него «восемь смертоносных, острых, как бритвы, зубов», и он жаждет «напиться человеческой крови». В «Рамаяне» мы читаем про исполинский рост ракшасов, их свирепый вид и кровожадность. В обоих текстах ракшасы, в отличие от главных героев – прекраснотелых и чудесностроенных, в большинстве своем уродливы – у них косые глаза, отвисшие животы и т.д. Несмотря на это, ракшасы, согласно Рамаяне, жили в «блистательной» Ланке. В городе, расположенном на острове, были огромные здания, длинные широкие улицы, утопающие в пышных садах [4, V-2,3]. Учитывая этот факт,

можно с большой уверенностью говорить, что в образе ракшасов древние индусы воспринимали дравидские народы.

На Западе аналогичные описания мифических существ мы встречаем у Гомера. «Одиссея» и «Илиада» полны схожими характеристиками гротескных образов различных народов. В «Одиссее» мы встречаем упоминание о лестригонах – народе людоедов. Они огромны, кровожадны и жестоки («Трупы, как рыб, назвав, понесли они их на съеденье» [2, X-125]). Интересно, что, в отличие от ракшасов, живущих в «блистательной» Ланке, город и местность, принадлежащая лестригонам, была менее обжитой («Не было видно нигде человеческих работ иль воловьих, дым только видели мы, как с земли поднимался клубами») (Там же, X-95)).

В «Одиссее» подчеркивается, что лестригоны «хлебоядны», т.е., помимо угрозы жизни путешественников, они представляют и угрозу их хлебным запасам. Своеобразным диссонансом для греков вступает это описание. С одной стороны, лестригоны хлебоядны, с другой – спутники Одиссея нигде не видят результатов земледелия. К тому же в тексте мы находим упоминание того, что это племя скотоводов. Отношение к скотоводческим племенам как более диким сохранялось в Европе очень длительное время. Достаточно упомянуть, что термин *паганос* (скотовод) в конечном итоге принял значение «язычник», а в русской культуре происходит еще большее усиление негативной коннотации этого слова, снижение его до уровня «нечистого» (ср.: *поганый*).

В «Одиссее» встречается описание еще одного «дикого скотовода» – циклопа Полифема. Подобно ракшасам и лестригонам, Полифем огромен и кровожаден и питается человеческой плотью (Там же, IX-289–293, 311, 344). Он представляет значительную угрозу для спутников Одиссея, и, чтобы обмануть его, Одиссей вынужден сам «лишиться идентификации» и представиться именем «Никто».

Апофеозом представлений греков о Чужом выступает описание других народов у Геродота. Чужой греков максимально удален от обычного человеческого облика. Он может быть козлоногим, лысым от рождения (как в случае с агриппеями), покрыт перьями, одноглаз (ариспамы), или может спать шесть месяцев в году [1, IV-26, IV-27].

Из всего этого очевидны различия в представлениях о Чужом в восточных и западных культурах. Если греческий Полифем живет в

пещере, а город лестригонов вовсе не свидетельствует об их активной физической работе, то, в противоположность этому, столица ракшасов Ланка – чудесный и «блистательный» город, вызывающий своим великолепием трепет у главных героев. И хотя ракшасы ужасны и деструктивны, они обладают «цивизованностью». В европейском же дискурсе Чужой более дикое существо, в нем мало человеческого и больше природного.

Ситуация оставалась неизменной вплоть до Новейшего времени. Самые разнообразные народы постоянно объявлялись европейцами дикарями и воспринимались как существа совершенно иного рода. Средневековые хроники изобилуют изображениями вымышленных существ – одноногие, одноглазые, покрытые перьями, они больше напоминают скорее каких-то антропоморфных уродцев. Особенно интересны изображения существ, у которых рот находился посередине живота. Средневековое воображение конструировало максимально поедающего человека. Здесь нет пищевода, голосовых связок и других органов. Пища сразу попадает в желудок, тем самым создавая представление о существе, чья основная функция – потребление продуктов.

Открытие Нового света еще больше обострило проблему конструирования тела Чужого. Жители новых земель, украшенные перьями, мало походили на привычные для европейцев образы чужестранцев – мавров, китайцев, индийцев, что вновь породило сомнения в человечности этих существ. Однако даже те, кто считал их людьми, с легкостью видел в них дикарей, близких в своем *modus vivendi* к диким зверям, что подтверждали многочисленные рассказы о дикарях-людоедах, населявших отдаленные уголки земного шара, куда путь добropорядочному европейцу закрыт. Эти уголки могли посещать или прославленные бесстрашные воины вроде Писарро или Кортеса, или кровожадные пираты, которые в своих привычках мало отличались от дикарей. И в этом нет ничего удивительного, ибо выжить в гетеротопных пространствах могут и герои, и маргиналы, чья суть (безрассудство и кровожадность) мало чем отличается от поведения местных дикарей.

Многочисленные изображения обитателей новых земель, появившиеся в XVI–XVII вв., уже не представляют местные народы как чудовищ, однако и здесь упор сделан на их максимальную дикость: они изображались голыми, украшенными перьями, сражающимися

и поедающими человеческую плоть. Все это легко обнаружить, рассматривая иллюстрации известного художника Т. де Бри. И хотя реальные люди слишком мало походили на существ, изображенных художниками, подобными де Бри, европейцев это мало интересовало, т.к. эти рисунки в наибольшей степени соответствовали их ожиданиям. Чужой этих земель просто обязан быть голым, диким и кровожадным. И хотя новые земли манили несметными богатствами, как в сказочных мирах, эти богатства охраняли «недочеловеки» и чудовища, угрожающие не только убить, но и съесть смельчака, с ними невозможно было говорить, их можно было только убить.

Сегодня антропологи постоянно расходятся во мнениях по поводу реальной практики каннибализма у многих племен Южной Америки, Полинезии, Африки и др. Хотя ряд из них безоговорочно принимает эти слухи о каннибализме за абсолютную правду, то другие сомневаются в истинности этих представлений, считая их всего лишь досужими вымыслами или фантазиями неискушенных европейцев[5; 7; 9], ведь изначально Чужой архаичен, асоциален, дикарь.

Если вспомнить американский фронтир, то становится очевидно, что здесь переселенец отправляется в путь, в неизвестность, подобно Одиссею, он рискует каждую минуту, и дикая природа поглощает его. Он уходит в бесконечные просторы Дикого Запада, и над ним нависает угроза встречи с Дикарем. И хотя здесь Чужой может принести еду и «блага», в любой момент он в состоянии убить путника, подобно древнегреческой Цирцее, которая сначала накормила спутников Одиссея, а потом превратила их в свиней, чтобы съесть.

В конечном итоге эти страхи воплощаются в стремлении избавиться от источника страхов. Однако как только западная культура освобождается от них, она начинает выдумывать нового Чужого. Выйдя за пределы собственной планеты, человеческая цивилизация все более устремляется в своих фантазиях к неизведанным планетам.

Популярные писатели-фантасты, создатели массовой культуры, вместе с многочисленной армией кинорежиссеров активно отражают современные представления об инопланетных Чужих. Среди подобных фильмов, оказавших заметное влияние на массовую культуру, можно назвать «Чужой» (1979), «Хищник» (1987), «Хищник-2» (1990), «Особь» (1995),

«Прометей» (2012) и мн. др. В этих фильмах отразился весь спектр представлений о Чужом. Не важно, прилетает Чужой на Землю или человек оказывается на планете Чужого, – столкновение с Неизвестным не сулит человеку ничего хорошего.

Типичным примером Чужого, оказавшегося на нашей планете, является персонаж из упомянутого выше фильма «Хищник» (Predator, 1987). Интересно, что и название этого фильма не оставляет нам вариантов для трактовки – это не просто инопланетное существо, это именно хищник. Он убивает человека ради забавы, охотясь на самых сильных особей человеческого рода. Было бы, наверное, уместно назвать его охотником. Оно не просто убивает, оно собирает трофеи, не охотится на кого попало, а в качестве своих мишеней выбирает наиболее сильных, активных, тех, кого метафорически можно самих назвать «хищниками». Как человек-охотник, не интересуясь мелкими зверушками, выбирает наиболее сильных и опасных особей, так и здесь происходит столкновение суперопытного охотника-профессионала, вооруженного самым современным оружием, и хищников человеческого общества. Однако вряд ли человек думает о нем как об охотнике. Для создателей фильма это хищник, подобный кровожадному тигру-людоеду или льву, который терзает свои жертвы, но и сам в конце становится объектом охоты. И хотя действие в этих фильмах происходит в привычных для нас условиях, и в отдельные моменты даже на территории города, но и здесь мы встречаемся с образами гетеротопного пространства и гетеротопными героями. В этих финальных сценах столкновения Хищника и Героя все перемешано. Прошлое и будущее тесно переплетаются. Чтобы убить чужого-хищника, герой подчас использует не совсем привычные для него орудия. Если в «Хищнике» (1987) герой сам мастерит оружие, смешивая технологии и создавая «гетеротопное оружие», то «Хищнике-2» (1990), где главным героем является полицейский афроамериканец, в конечном эпизоде появляется старинный дуэльный пистолет, а сама сцена происходит в заброшенном туннеле метро. Не важно, будет это архаичный лук с современным боезарядом вместо наконечника или старинный дуэльный пистолет, метафоры гетеротопности говорят сами за себя. Да и облик чужого также гетероморфен. С

одной стороны, это антропоморфное существо в скафандре, с другой – этот скафандр всего лишь оболочка, за которой скрывается что-то мало напоминающее человека. Это в большей степени насекомое, которому режиссеры отказывают в эмоциях, страстях и каких-либо чувствах. Им руководят только инстинкты хищника, готового убивать.

Если в упомянутом выше «Хищнике» Чужого интересует только насилие и уничтожение, то в фильме «Особь» (1995) отразились иные страхи человечества. В этом фильме Чужой принимает образ юной красавицы, очаровательной и совершенно сложной. Но именно в этом ангельском создании и скрывается основная угроза людям. Человеческое обаяние Чужого – всего лишь маска, условная оболочка, призванная обмануть наивных мужчин, т.к. это существо стремится всего лишь к сексуальной эксплуатации людей для воспроизводства своей популяции. Будучи более совершенным и приспособленным к жизни, развивающееся гораздо быстрее, чем люди, это существо, с одной стороны, таит в себе сильные сексуальные угрозы, а с другой – может привести к уничтожению всего человечества. Несмотря на, казалось бы, ангельскую внешность, оно лишено всякой морали, угрожает не только мужчинам, которых оно использует сексуально и энергетически, и не останавливается перед уничтожением женщин, если они оказываются на его пути или их смерти могут помочь в осуществлении планов.

Еще бóльшие опасности ждут человека при встрече с Чужим на иной территории. Наиболее ярким примером подобной встречи и вызовов может служить серия фильмов «Чужой». Здесь герои сталкиваются с ящериноподобным ксеноморфом, чей жизненный цикл представляет собой сложную цепочку трансформаций. Убить его практически невозможно, а он, в свою очередь, легко расправляется даже с супертренированными элитными бойцами. Людей они используют в качестве своеобразного инкубатора, в котором откладывают свои личинки. Человек при этом не просто контейнер, в котором содержатся личинки, но и своеобразная питательная биомасса, которую и потребляет прожорливая личинка. И если внешние формы ксеноморфа, в отличие от Хищника, не говорят нам о какой-то исключительной технологической продвинутой, то о его экстраординарности позаботилась сама приро-

да. Даже кровь Чужого несет в себе опасность. Она сжигает не только человеческую кожу, но и с легкостью проедает суперпрочный металл космического корабля.

Мы не будем останавливаться на всех фильмах, в которых люди становятся объектом насилия со стороны инопланетных существ, ведь даже само перечисление названий этих фильмов может занять не одну страницу. В самых темных уголках своего воображения человек пытается представить свою встречу с Чужим. Каким он будет и чем эта встреча грозит человечеству? Ответы на этот вопрос очень часто однообразны. Наше воображение не может освободиться от сформированного тысячелетиями образа Чужого, несущего нам угрозу. И в силу скованности нашей фантазии космический Чужой получает те же самые черты. Его тело гротескно, у него есть сверхъестественные способности, данные ему в силу развития цивилизации. Самое главное, что человек очень часто в этих фантазиях оказывается жертвой агрессивных замыслов космического Чужого. Он или уничтожает его, чтобы отнять земные ресурсы, освобождает планету от людей, или помещает в него своих зародышей, превращая его в ходячий инкубатор, дающий питание его детенышам.

Однако не так все просто в гетеротопных мирах. Очень часто гетеротопное пространство производит нового гетеротопного человека – человека, который вживается в эту новую для него реальность, становясь Чужим среди своих и своим среди Чужих. Как когда-то в начале XIX в. Ф. Купер создал своего Нате Бумпо, Дж. Камерон в начале XXI в. придумал главного героя фильма «Аватар» (2009), что свидетельствует о попытке по-новому взглянуть на взаимодействие Человека с инопланетным Чужим. Взгляд на земную цивилизацию как на своеобразный конфликт между природой и технологией приводит известного режиссера к специфичной инверсивной рефлексии, единственный вывод которой состоит в следующем: чтобы освоить Чужое пространство, не надо его разрушать. Надо стать частью этого мира. Возможно, для этого человечеству понадобится свой Бумпо или свой аватар, который, вероятно, приведет к ксеноморфизму человека, но именно и в этом мы наблюдаем путь к полной свободе и выходу за бренность человеческого бытия. Не случайно этот выбор делает человек с ограниченны-

ми возможностями, другими словами – инвалид. Однако именно ему и предстоит познать всю перспективу новых возможностей.

Подобный подход дает нам ощущение, что не все потеряно и человечество еще может по-новому осмыслить себя и свою встречу с Чужим. В этой субъектно-объектной дилемме, в которой человеку уготована роль не только объекта, но и субъекта влияния, попытка создать или смоделировать иную реальность и, более того, иную систему взаимоотношений говорит о том, что не за горами тот момент, когда человечество созреет для того, чтобы не просто ужаснуться от самой природы Чужого, но и начать с ним равноценный диалог.

Литература

1. Геродот. История. М. : Ладомир, 1999.
2. Гомер. Одиссея. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1953.
3. Махабхарата. Адипарва. М. : Изд-во АН СССР, 1950.
4. Рамаана. М. : Ладомир, 2006.
5. Conklin B. Consuming Images: Representations of Cannibalism on the Amazonian Frontier // Anthropological Quarterly. 1997. Vol. 70. № 2. P. 68–78.
6. Foucault M. Of Other Spaces // Diacritics. 1986. Vol. 16. № 1. P. 22–27.
7. Obeyesekere G. Cannibal Talk The Man-Eating Myth and Human Sacrifice in the South Seas. L., 2005.
8. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History. Readex Microprint, 1893.
9. Whitehead N. Of Cannibals and Kings. Penn State University Press, 2011.

Construction of the image of the strange on heterotopic spaces of the frontier

There are analyzed the images of the strange shown in a special type of spaces called by M. Foucault "heterotopic". By the example of the images of the strange from different classic works of the antiquity, Middle Ages and the New Age, there is made the attempt to extract the basic patterns that would help to construct the resumptive image of the strange.

Key words: *Strange, mass culture, frontier, heterotopic spaces.*

А.В. СЕНКЕВИЧ
(Воронеж)

СТРАДАНИЕ ЖИВОТНЫХ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Характеризуется страдание как универсальный атрибут живой природы и человеческой жизни, показаны теоретические основания и практические следствия современной экологической этики.

Ключевые слова: *страдание, человек, животные, нравственность, экологическая этика.*

Все живущее болеет и страдает.

Н.А. Бердяев

Судьба человека как осуществление собственного жизненного проекта разворачивается не только в пространстве личных страданий, но и в мире, где страдание выступает как неотъемлемый атрибут всего живого. Оно может быть определено как невозможность достичь полноты бытия, предполагаемой биологической и (или) социальной природой того или иного рода живых существ. И случается, что именно страдание других ранит душу гораздо больше собственного, требует оправдания и заставляет искать пути преодоления. Особое место в философских учениях прошлого и настоящего занимает отношение людей к страданиям животных, и именно это отношение для многих мыслителей справедливо становилось мериллом нравственного и интеллектуального развития человека.

Необходимость выработки принципов экологической этики в настоящее время обусловлена взаимными угрозами существованию в системе «человек–природа». Прежняя парадигма, согласно которой природа – неисчерпаемый резервуар ресурсов для человеческой деятельности, уже неприменима. Человеческая экспансия в природу ныне достигла таких масштабов, что грозит разрушением биосферы как целого. В ответ человечество получает множество проблем: от климатических сбоев до неведомых прежде болезней. Многие современные авторы пытаются проследить исторические корни экологического кризиса, определить, где и когда отношение человека к природе стало вызывать губительные изменения, сначала не слишком заметные, а теперь вопиющие.

В данной статье будет рассмотрен один из аспектов становления экологической этики –